

А.Е. Перова

**НЕОКАТАСТРОФИЗМ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ НОВЫХ
РИСКОВ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ**

Аннотация. В статье представлен социологический анализ проявлений и последствий «нового» катастрофизма. Приводятся аргументы в пользу того, что большинство «новых» катастроф тесно связаны с социальной, экономической, политической и информационной жизнью общества. Перечисляются социальные проблемы, обычно связанные с катастрофами и приводящие к «поврежденному сообществу». Показана регулирующая роль религии. Представлена таблица, в которой сравниваются «старые» и «новые» катастрофы. В заключение представлен анализ рисков, связанных с появлением «новых» катастроф.

Ключевые слова: неокатастрофизм, общество риска, научное незнание, поврежденное сообщество, социология катастроф.

Anastasiia Perova

**NEOCATASTROPHISM:
SOCIOLOGICAL REFLECTIONS UPON NEW
RISKS IN THE ECOLOGICAL DOMAIN**

Annotation. The article presents a sociological analysis of the manifestations and consequences of the «new» catastrophism. It reveals arguments backing the fact that most of such catastrophes are closely tied with social, economic, political and informational life of the society. Social problems, usually associated with catastrophes, are named, which lead to a «corrosive community». The regulating role of the religion is revealed. A table, where «old» and «new» catastrophes are compared, is introduced. In conclusion, an analysis of risks, related to the «new» catastrophes is presented.

Keywords: neocatastrophism, risk society, scientifically generated non-knowing, corrosive community, sociology of disaster.

Рассмотрим неокатастрофизм как новый термин социологии. Термин «неокатастрофизм» (new catastrophism) был предложен в 2011 г. английским социологом Дж. Урри [11]. Коллапс современного индустриального общества возможен и закономерен так же, как это произошло с обществами прошлого – и происходить он будет по тем же законам. Высвобожденные в процессе развития силы теряют свойство подконтрольности и приводят к разрушению и гибели общества, которое теперь «походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями» [5, с. 58].

В свою очередь, общества будущего будут крайне зависимы от снижения доступности ископаемого топлива в условиях бурного роста населения (около 900 млн человек каждые 10 лет), что приведет к загрязнению среды, нехватке продуктов питания и чистой воды, производство и транспортировка которых тоже зависит от нефти и газа. С учетом глобальных изменений климата и запуска всевозможными уязвимостями процесса де-глобализации (это приостановка глобализационного процесса, создание больших мировых регионов, каждый из которых обладает собственным путем развития и в состоянии ограждать себя от внешних сил, пытающихся вмешиваться в его внутренние дела) [1]. «Катастрофические» общества могут столкнуться с реструктуризацией экономической и социальной жизни, значительными ограничениями и даже возможными войнами за ресурсы. К этому привела бесконечная потребительская гонка, жажда наживы и отсутствие ограничений при использовании ресурсов планеты.

Немецкий социолог У. Бек называет проблемы окружающей среды, формирующие общество риска, «радикальным институциональным кризисом первой (государственной) фазы индустриального модерна» [3, с. 92]. То есть возникающие экологические вызовы можно рассматривать как побочный

эффект решений, кажущихся рациональными только при поверхностном взгляде. Поворот социологии к проблемам природных ресурсов и экологических катаклизмов заостряет внимание на таких неконтролируемых и непредсказуемых событиях и их развитии, которые, в свою очередь, необратимо изменяют лицо планеты, а вместе с ним и жизнь современного общества.

С процессом индустриализации всевозможные риски, связанные с экологическими изменениями, вносимыми человечеством в нормальный порядок хода жизни природы, перестают быть исключительно природными: в них вмешивается политика. По словам У. Бека, речь здесь идет «не только о побочных последствиях для здоровья природы и человека, но и о социальных, экономических и политических побочных последствиях этих побочных последствий» [2, с. 14]. Происходящие катаклизмы, напрямую ухудшающие жизнь человека и состояние окружающей среды (скажем, смертельные события, зачастую влекущие за собой выбросы вредных, загрязняющих веществ), не могут оставаться за гранью сферы интересов политики и экономики. Они становятся важным феноменом и для СМИ, обретших в них особый источник информации, способной устрашающе влиять на аудиторию. И любые катастрофы, большие и маленькие, в конечном счете обладают потенциалом к реорганизации политической власти. Так У. Бек, создатель термина «общество риска», приходит к выводу о том, что общество риска – это «общество, чреватое катастрофами» [2, с. 15].

Кроме того, катастрофы переворачивают научное знание, впускают в него научное незнание – термин, также предложенный У. Бекком. Вот, что социолог говорил по поводу Чернобыля: «Ядерный взрыв сопровождался взрывом незнания. <...> То, что раньше считалось знанием, становится незнанием, а незнание приобретает статус знания» [3, с. 116]. И в социальных науках происходит синтез научного знания и незнания, не только с устареванием «вчерашнего» знания, но и с новыми явлениями, новыми катастрофами, приносящими с собой новое знание о природе и поведении людей, а вместе с ним и необходимость их изучать.

Рассмотрим специфику новых катастроф.

«Новые» катастрофы нельзя определить точно как непосредственно природные или техногенные, к которым применима обычная модель восстановления после катастрофы, как это бывает, например, в случае небольшого землетрясения или урагана. В них велика роль человеческого фактора, ошибок и недочетов. В «новых» катастрофах цикл восстановления (идуший от предупреждения о грядущей катастрофе до выхода из кризиса, ею вызванного) замыкается на вторичных катастрофах, то есть производных от нее. В последующем непрекращающемся психосоциальном воздействии на население они приводят к «поврежденному сообществу». Это сообщество, пострадавшее в результате катастрофы, которое попало в цикл новых бедствий и не способно вернуться к своему нормальному функционированию. Оно характеризуется потерей доверия, социального капитала, такого как благотворительность, эмпатия, забота, и ресурсов для восстановления. При этом в нем также происходит фрагментация социальных групп и разрыв социальных отношений, как личных, так и институциональных [10].

Это можно проиллюстрировать случаями мародерства в Новом Орлеане после удара урагана «Катрина». Город резко разделился на группы «белых» и «черных» жителей. Случившаяся в конце августа 2005 г., эта катастрофа пошла по «худшему» сценарию: штормовые ветра (со скоростями 220-280 км/ч) с водами Мексиканского залива обрушились на город, 70 % которого находится ниже уровня моря [4]. Дамбы оказались прорваны, техника, призванная обеспечивать безопасность, подвела жителей города. Но одним «традиционным» наводнением дело не ограничилось: вода несла с собой пестициды, нефть, удобрения и прочие загрязняющие вещества. Эта метеорологическая и технологическая катастрофа унесла жизни более 1800 человек, сделала вынужденными переселенцами до 1,2 млн человек (вызвав наибольшую миграционную волну с периода 1930-х гг.) и стала самой дорогостоящей для экономики США.

Еще одним хорошим примером «новой» катастрофы станут мертвые земли и воды, феномен, исследуемый С. Сассен [7, с. 222]. Земля «мертвеет» из-за выбросов ядовитых веществ в процессе промышленного производства и при добыче полезных ископаемых, в то время как воду «убивает» пластик и токсичные отходы. Эта означает, что такую землю потом долго нельзя использовать, она теряет свои плодородные свойства, в воде же прекращается круговорот, необходимый для обогащения кислородом. Масштабы таких «мертвых» площадей замалчиваются, но они постоянно растут и расширяются.

Мы выделили основные отличия «новых» и «старых» катастроф в табл. 1.

Таблица 1

Отличия «старых» и «новых» катастроф

Параметры	«Старые» катастрофы	«Новые» катастрофы
Причины	Удары стихии, аварии.	Каскадирующие катастрофы, связанная причинность человеческой деятельности и природного удара в купе с разрушением сложных технических систем.
Эпизодичность	Внезапные, как правило, однократные.	Растянуты во времени, ползучие, длительный процесс социально-экологического метаболизма с многократным повторением и тенденцией к расширению.
Локализация	Региональные и локальные.	Глобальны (возможен и точечный удар, но в этом случае глобальны по последствиям)
Ответственная сторона, акторы	Ответственность за выход из кризисной ситуации в основном на местных властях.	Ответственность на уровне правительств, однако фактически она ложится на международные организации и местных жителей, которым приходится принимать решения в условиях неизвестности.
Хронология (цикл)	– предупреждение; – угроза; – бедствие; – воздействие; – управленческие решения; – применение средств защиты.	Замкнутый цикл, результирующий в поврежденное общество, состоящий из: – предупреждений; – угроз; – бедствий.
Характер	– природные; – техногенные; – террористические акты и социальные катастрофы	– природно-техногенные; – антропогенные изменения; – высококомобильные заболевания.
Методы оценки	Шкалы, экономическая оценка ущерба.	Необходимость в нескольких системах измерения, экономическая оценка ущерба может быть лишь приближительной.
Масштаб воздействия	Локальный.	Глоболокальный не только по воздействию на экосистему в целом и большие человеческие жертвы, но и из-за насаждаемой паники в СМИ по всему миру.
Уровень влияния	Локальный.	Транснациональный за счет стирания национальных границ чувством коллективного страха.
Формы мобилизации	– эвакуация с последующим возвращением; – усилия спасателей.	– перемещение жителей, не только долгосрочное, но и со сменой места жительства; – усилия спасателей на уровне международных организаций.

Последствия	Локальные разрушения, в основном природные и экономические, социальные.	Массовые и масштабные разрушения экологической, экономической, социальной, культурной систем.
Выводы	Необходимость реабилитации социально-экологического пространства и психологической помощи людям.	Необходимость изменения общественно-политического порядка, использования более «зеленой» политики, работы с посттравматическим синдромом у пострадавших.

В качестве вывода мы можем предложить собственное определение «новых» катастроф. «Новые» катастрофы – это широкомасштабные каскадирующие катастрофы с растянутым во времени социально-экологическим метаболизмом, природной и антропогенной причинностью и большими негативными последствиями не только для мировой окружающей среды, но и для глобального социума, в том числе за счет круглосуточного освещения СМИ.

Социологи называют следующие критические проблемы, в принципе, свойственные большинству подобных катастроф и других «дестабилизирующих явлений» [4].

Во-первых, это проблемы со здоровьем и так называемый посттравматический синдром, причем для них характерна и сложность в достижении определенности в оценке состояния здоровья, особенно психического и ментального. В качестве трагического примера можно привести участвовавшие случаи самоубийств в Японии [6]. Они рассматриваются полицией, как пролонгация посттравматического синдрома, связанного с аварией на АЭС «Фукусима-1», которая была вызвана цунами в марте 2011 г.

Во-вторых, это падение привычного уровня трудоустройства, характерного для сообщества, одновременно с ростом числа безработных, ищущих работу.

В-третьих, в число самых насущных проблем входят вопросы жилья, так как оно часто оказывается в разрушенном состоянии, и вопросы стоимости жизни.

В-четвертых, значительное количество людей уезжают на время, чтобы переждать удар стихии и остаться в стороне при работе с последствиями.

Наконец, в-пятых, это проблемы молодежи: рост девиантного поведения, нехватка образования и обычных способов отдыха, наркотики.

Кроме того, есть и еще одна проблема: неподготовленность населенных пунктов к катастрофам происходит не из-за неопределенности грядущего риска или неосведомленности властей, а за счет неадекватного реагирования руководства на предупреждения со стороны специалистов-технологов, социологов, ученых других специальностей. Человеческий фактор усиливается и тем, как халатно власти иногда ведут себя в борьбе с последствиями катастрофы, тем, насколько их усилий не хватает, чтобы предотвратить человеческие жертвы. К слову, в докладе Независимой комиссии по расследованию ядерной аварии на АЭС «Фукусима-1», так и сказано, что она была результатом «многочисленных ошибок и умышленной халатности» правительства, органов безопасности и компании-оператора АЭС – ТЕРСО» [8, с. 9].

Примечательно, что в качестве противодействия в борьбе с последствиями ударов катастроф социологи называют религию. Она выступает своего рода стабилизатором – и этот факт подтверждается многими социальными исследованиями [4]. Например, в случае урагана «Катрина» приходило многих христианских церквей Нового Орлеана занимались не только волонтерской работой по помощи спасателям, но и организацией питания и медицинских услуг, поиском одежды и предметов первой необходимости для пострадавших, в особенности неимущих слоев населения [4].

Работу буддистов, перенявших опыт христианских общин, можно раскрыть на примере храма Махиндарама в Пенанге в случае цунами в Индийском океане в 2004 г., когда был организован сбор помощи пострадавшим на территории сети храмовых медицинских центров [8]. Один

из буддийских лидеров опубликовал в интернете сообщение с призывом о сборе вещей, на который откликнулись люди со всего мира.

И у мусульман, и у индуистов существуют организации, которые направляют волонтеров на помощь пострадавшим регионам. В качестве примеров можно привести, соответственно, организацию Islamic Relief Worldwide («Исламская помощь» с отделениями во многих странах, в том числе США) и союз Rashtriya Swayamsevak Sangh («Союз добровольных слуг родины», Индия). Таким образом, с одной стороны, религия служит связующим звеном для людей при координации их усилий. С другой, она помогает им примириться со стихией, называя первопричину, будь то божья воля или ход судеб мира.

Последствия и проявления «новых» катастроф тесно связаны с экономической сферой за счет не только разрушительного воздействия на собственность, производство и аграрный сектор, но и влияния на безработицу. С политической сферой их связывает обязанность властей непременно ответить на создаваемые ими вызовы, с религией – возможность позитивного отношения к ним.

Рассмотрим функциональные последствия новых катастроф и глобальный характер их рисков. Климатические изменения в эпоху антропоцена (с XIX в., когда человечество стало играть значительную роль в экологической системе Земли), резко увеличили возможность катастроф в наши дни. Экспоненциальный рост населения в условиях вырубки лесов, этих «легких планеты», окисления океана, вымирания видов за счет ухудшения условий среды обитания, браконьерства и превышения разумных норм охоты и рыболовства, общего загрязнения окружающей среды сделали более хрупкой устойчивость и целостность, стабильность экологии, ее способность к самовосстановлению, а значит, и предупреждению, «гашению» крупных катаклизмов.

В ряд перечисленных проблем можно добавить и те, что связаны с энергетикой: будущая, неминуемая нехватка нефти и газа, опасности, связанные с использованием атомной энергии, явная недостаточность современных «зеленых» источников энергии, таких как приливные, ветряные и солнечные электростанции. Возрастает и важность вопроса продовольственной безопасности и наличия питьевой воды, все это в условиях ухудшения качества воздуха и роста температур. Повышение цен, нехватка сырья и земель, подвигающая «богатый Север» скупать ресурсы «бедного Юга» также способствует нестабильности, уже самого общества, порождая протестные движения и общие настроения недовольства и беспокойства [11].

Кроме того, есть и еще одна проблема: неподготовленность населенных пунктов к катастрофам происходит не из-за неопределенности грядущего риска или неосведомленности властей, а за счет неадекватного реагирования руководства на предупреждения со стороны специалистов-технологов, социологов, ученых других специальностей. Человеческий фактор усиливается и тем, как халатно власти иногда ведут себя в борьбе с последствиями катастрофы, тем, насколько их усилий не хватает, чтобы предотвратить человеческие жертвы.

К слову, в докладе Независимой комиссии по расследованию ядерной аварии на АЭС «Фукусима-1», так и сказано, что она была результатом «многочисленных ошибок и умышленной халатности» правительства, органов безопасности и компании-оператора АЭС – ТЕРСО [9, с. 9].

Однако необходимо отметить, что многие катастрофы, которые мы можем причислить к «новым», обладают способностью не только спланивать людей, невзирая на государственные и национальные границы, но и заставить их задуматься о судьбе нашей общей планеты, создавая фрейм «глобальной справедливости». В условиях, когда правительства бездействуют или ошибаются в выборе стратегии борьбы с последствиями катастрофы, на первый план выходит религия и усилия волонтерских организаций.

Библиографический список

1. Артановский, С. Н. Глобализация и де-глобализация / С. Н. Артановский // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 4 (9). – С. 6–14.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

3. Beck U. *World at Risk*. – Cambridge: Polity Press, 2009. – 240 p.
4. Brunson D.L., Overfelt D., Picou J.S. (eds.). *The sociology of Katrina. Perspectives on a modern catastrophe*. – Lanham: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2010. – 390 p.
5. Marx K., Engels F. *The Manifesto of the Communist party*. – Moscow, Foreign Languages, 1988. – 92 p.
6. Nagano M. Suicides rise among Fukushima nuclear disaster evacuees. 2015, 28 Dec. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ajw.asahi.com/article/0311disaster/fukushima/AJ201512280026> (дата обращения: 07.11.2017)
7. Sassen S. *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. – Cambridge: Belknap Press, Harvard University Press, 2014. – 304 p.
8. Samuels J. Buddhist disaster relief: monks, networks, and the politics of religion // *Asian Ethnology*, 2016. – № 75 (1). – pp. 53–74.
9. The National Diet of Japan. The official report of the Fukushima nuclear accident Independent Investigation Commission: Executive summary, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nirs.org/wp-content/uploads/fukushima/naaic_report.pdf (дата обращения: 09.11.2017).
10. Thomas D. S. K., Phillips B. D., Lovekamp W. E., Fothergill A. (eds.). *Social vulnerability to disasters*. – 2nd ed. – Boca Raton, FL: CRC Press, 2013. – 406 p.
11. Urry J. *Climate Change and Society*. – Malden, Polity Press, 2011. – 217 p.

References

1. Artanovsky S. N. Globalizatsiya i de-globalizatsiya [*Globalization and de-globalization*]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosydarstvennogo yuniversiteta kultury i isskustv [Bulletin of Saint Petersburg State University of culture and arts]*, 2011, I. 4 (9), pp. 6–14.
2. Beck U. *Obshestvo riska. Na puti k drugomu moderny. [Risk society. Towards a new modernity]*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000. 384 p.
3. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2009. 240 p.
4. Brunson D. L., Overfelt D., Picou J. S. (eds.). *The sociology of Katrina. Perspectives on a modern catastrophe*. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2010. 390 p.
5. Marx K., Engels F. *The Manifesto of the Communist party*. Moscow: Foreign Languages, 1988. 92 p.
6. Nagano M. Suicides rise among Fukushima nuclear disaster evacuees. 2015, 28 Dec. Available at: <http://ajw.asahi.com/article/0311disaster/fukushima/AJ201512280026> (Accessed: 07 November 2017).
7. Sassen S. *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge: Belknap Press, Harvard University Press, 2014. 304 p.
8. Samuels J. Buddhist disaster relief: monks, networks, and the politics of religion // *Asian Ethnology*, 75 (1), 2016. Pp. 53–74.
9. The National Diet of Japan. The official report of the Fukushima nuclear accident Independent Investigation Commission: Executive summary. 2012. Available at: https://www.nirs.org/wp-content/uploads/fukushima/naaic_report.pdf (Accessed: 09 November 2017).
10. Thomas D. S. K., Phillips B. D., Lovekamp W. E., Fothergill A. (eds.). *Social vulnerability to disasters*. 2nd ed. Boca Raton, FL: CRC Press, 2013. 406 p.
11. Urry J. *Climate Change and Society*. Malden, Polity Press, 2011. 217 p.